

Лаборатория критического субъективизма

Общая линия сентябрьского выпуска ЛКС — потусторонность, неочевидные связи явлений, символическая многомерность вещей. Спектр проявления потусторонности широк: от хоррора до лирической поэзии, от автофикшн до анализа трендов и попытки посмотреть на литературу через шахматы. Дарья Ефремова находит в обманчиво простой прозе пейзажа-отшельника Ильи Кочергина не Аркадию, а жесткое экзистенциальное вопрошание: «Кто из мужиков отказался бы переспать с шахидкой? <...> в ночь перед терактом...» Юлия Рахаева, представляя «шахматный текст» от XVI века до наших дней, не обходит вниманием «Табияю тридцать два» Алексея Конакова о «прекрасной России будущего», отменившей литературу и переустроившей культуру в контексте шахмат. Только зря писатель «шутит с нашим братом», отмечает Юлия Рахаева, русская литература себя в обиду не даст:

Если он меня прикончит матом,
Я его — через бедро с захватом
Или ход конём — по голове!

О сюжетах современного хоррора пишет Елена Сафронова, анализируя серию «Самая страшная книга» с 2019 по 2024 годы и приходя к выводу, что вместо иномирья люди теперь боятся вещей: домофонов, стиральных машин, кроссовок, гаджетов... «Возможно, так причудливо берет свое страх утраты духовной составляющей жизни». Нынешние «ужастики» в большинстве своем — это «боди-хоррор: “расчлененки”, пытки, садистские убийства или загадочные девиации физического развития, превращающие человека в монстра». Продолжая тему девиаций, Анна Жучкова рассматривает историю тренда психопатологий и травм в современной прозе — хотя и не жанровой, но, безусловно, формульной, если судить по ее тиражируемости и клише. И на позитивной ноте завершает выпуск Борис Ломакин с рецензией на лирический сборник Леонида Негматова «Снег и хлопок» издательства «СТИХИ», в поэтическом пространстве которого вещи, перетекая друг в друга, преодолевают антитезу реальности и потусторонности и связывают все со всем звенящими струнами любви.

Анна Жучкова